

Позови меня в дождь...

Александр Драбкин, Биробиджан

Апрель

Плоскодонкой, зацепившей мель,
Задевая днищем валуны,
Я веслом уродую апрель –
Рыжего подкидыша весны.

Грусть навыверт, жизнь наоборот,
Безнародье, бездна, беспредел...
До сих пор не вспахан огород,
Тот, в который камень полетел.

Снова не заладилась весна.
Снова карта в масть, а ход не мой.
И фальшивит ржавая струна,
Что была настроена зимой.

Памяти мамы

На июньском лучике
В твой район Облученский
Залечу,
На горячем камне я
Свои раны давние
Залечу.
На ручье под горочкой
Водку хлебной корочкой
Загрызу.
Скажут кедры шёпотом:
Нынче, братец, хлопотно
Лить слезу.
Я еще – до донышка,
Да не вижу солнышка.
Надо же!

Помяну, как водится,
Может, распогодится
На душе.

Нет бумажной фабрики,
Не летят кораблики
По ручьям.
Фото в черной рамочке...
Здесь не пилят мрамора,
Слышишь, мам?
Без тебя по-прежнему
Киснет побережье,
А река
Льёт водицу, глупая,
Словно носом хлюпает
Биракан.

Скрипач

Выходец из Ветхого завета
Или, может быть, еще старей,
Дядя Сёма, переживший гетто,
Добрый лабух, и для всех - еврей.

Скрипка, не сверкающая лаком,
С запахом его уставших рук.
И смеялся Сёма с ней, и плакал –
Это был полёт, не просто звук.

Старый узник с солнечной улыбкой,
Нищий, но не жадный до рубля,
Кланялся, лаская нежно скрипку,
Если что-то падало в футляр.

На святых нисколько не похожий,
Живший хлебом, Сёма не тужил,
Если долго слушавший прохожий
Ничего в футляр не положил.

Деньги что? И так богат не шибко,
Важен взгляд, внимание, поклон.
Важно, что прохожий любит скрипку,
Ею очарован, как и он.

И смычок ласкал седые струны.
Готэню, о чем тут говорить?
Пожилых людей и очень юных -
Дядя Сёма всех учил любить.

Наследство

Тот еще не успел состариться,

Кто в сединах не прячет детство,
В завещании не нуждается
И в свидетельстве на наследство.
Только мне одному ведомо,
Что хранится под фото в рамочке:
Точно знаю, что унаследовал
От ушедшей на небо мамочки.
Я люблю под листвой улицы,
И когда белый снег хлопьями,
А еще не люблю хмуриться,
Потому что я мамина копия.
Я люблю, чтобы слушали, охая,
Покупаясь на интонации,
А потом чтоб от смеха грохнули
Над осколком еврейской нации.
А еще я от мамы и бабушки
Унаследовал их обычаи:
С дураками играю в ладушки,
Ну, а всё остальное – личное...

* * *

Саше Беренгольцу

Вслед птицам начинаю тосковать
По тем, с кем вместе пил напиток грусти.
Пусть осень за порог меня отпустит,
Когда настанет время уезжать.

Когда настанет время уезжать,
Прорваться на вокзал сквозь листопады
И прежде, чем в купе устало падать,
За встречу пить и руки подавать.

За встречу пить и руки подавать
Товарищам, на время приютившим,
Под клятвы: «Обязательно напишем»...
И будем очень долго забывать.

И будем очень долго забывать
Вторжение в незапертые двери.
Нам будут толковать – мы не поверим,
Что наступило время уезжать.

Вслед птицам начинаю тосковать
И сам себя разыскивать повсюду,
И водкой у костра сжигать простуду,
Когда настанет время уезжать.

* * *

М. Асламову

Что же вас, сереньких, на зиму бросили?
В старом болоте все меньше тепла.
Выводок поздний нерадостной осенью
Стая на юг не взяла.

Их не пугали, но с каждой минуточкой
Солнце уходит и заводь пуста.
Чудом нестреляный выводок уточек
Прятала мамка в кустах.

Прятала, крякала птица усталая.
Где обрести ей надёжный уют?..
Милые детки её запоздалые
Первые льдинки клюют.

* * *

Анатолию Кобенкову

Ещё при жизни Анатолия Кобенкова
его «доброжелатели»
в одной из иркутских газет напечатали
сообщение о смерти поэта

Нахлебавшись дешёвых вин
И изысканных коньяков,
Где б ты ни был, ты был один
Средь поэтов и мужиков.

Просыпаясь в лесу от птиц
Или в гомоне городов,
Ты таких насмотрелся лиц
И таких наслушался слов!

А в одной из смешных газет
Злобу «шуточкой» утоля,
Сообщили: поэта нет.
Так что «пухом ему земля...»

Над столом зажигалось бра,
И омытый дождями слог
Без усмешки желал добра
Напечатавшим некролог.

* * *

В провинцию входила темнота.
Она располагала к разговорам...

А. Кобенков

В дожди каморка дворника пуста,
Должно быть, пьёт которую неделю.
В провинцию приходит темнота,
Её ни с кем, как прежде, не поделишь.

И оттого, что много темноты,
В озябшем доме коротаю вечер.
Звоню, а мне в ответ уже не ты,
А голосом твоим – автоответчик.

Восстановив оборванную нить,
Одолеев смертную преграду,
Он просит чуть попозже позвонить
И обещает: «Будем очень рады...»

Забыли люди о Талмуде...

Их никто не считал иностранцами.
Всем известно, который был год.
Но на маленькой тихонькой станции
Появился нетихий народ.

Озираясь, они выходили
На заброшенный грязный перрон, –
Люди с юмором: Сёма и Циля
И седой парикмахер Арон.

Шли усталой, неровной походкой –
Столько верст за спиной! Что сказать?
Их сюда не тянули лебёдкой,
Но... позвали. Могли не позвать.

И пускай было голодно дома –
Соблюдали еврейский закон:
Презирали свинину и Сёма,
И седой парикмахер Арон.

С первых дней было много работы,
И, нарушив закон, в первый раз
Циля вышла на стройку... в субботу!
Мир не кончился, свет не погас.

А в столовой не высшего класса

Сёма, втайне от Цили, с дружкой
Ели борщ некошерного мяса,
Что и было их первым грехом.

Им не праздничной стала суббота,
Позабылись Талмуд¹ и маца,
А поскольку всем кушать охота,
Появилась свинья у крыльца.

Циля только под старость призналась,
Что, когда появился сынок,
Часто кутала мальчика в талес,
Чтобы вспомнил о грешниках Бог.

Жизнь прожив не по правилам Торы,
Нарушая еврейский закон,
Циля с Сёмой построили город,
Им помог парикмахер Арон.

Целый город – ни мало ни много! –
Старость скрасить да внуков растить.
Не забыли и про синагогу,
И, наверное, Бог их простит.

Плач по эмигрантам

Ладно вам страдать от пустяков.
Чуточку поплакали – и будет.
Город не умрёт без босяков,
Здесь такие остаются люди!

«Город не умрет без босяков.
Будет чище в нашем огороде!..»
После этих «огородных» слов
«Патриоту» врезать бы по морде.

Город мой, ты будто бы ничей,
Без друзей – как старый сквер без клёнов!
Как люблю я местных скрипачей...
Шарм не тот без Гройсмана Семёна.

Перестал отплясывать кабак:
Караоке жжет живые песни.
А когда-то было всё не так,
Интересней было и не пресно.

Ресторан стонал под саксофон,
И шрапнелью сыпал дождь по крышам.
Выходи, кто хочет, на балкон
Слушать, как играет Червиц Миша.

Жил в беседках гвалт еврейских слов
В дружбе с русским матом, но без «кодлы».
Кстати, было больше босяков,
Не богатых вовсе, но не подлых.

В письмах мамы: «Боли по ночам...
От врачей нет помощи ни грамма».
Я бы здесь сводил тебя к врачам –
Здесь они куда душевней, мама.

Мама в дождь спокойнее спала,
А болезнь улыбке не мешала.
И она еще бы пожила...
Если б никуда не уезжала.

Назаретская история

Бабуля, охранявшая скамейку,
Имела профиль вечного жида.
Нет никого прискорбнее еврейки,
Покинувшей свой город навсегда.

Вопрос, как часто ноющая рана,
Ночами не дающая уснуть:
– Мужчина, вы ведь из Биробиджана?
Ну расскажите мне хоть что-нибудь.

Вам хорошо... вы там... мои сбежали.
Они сбежали – так и мне пришлось.
Вы мне скажите: что, в Биробиджане
На пенсию мне плохо бы жилось?

Я ей сказал: там пенсия – копейка,
И жизнь, что камень, чтоб скорей ко дну,
И есть надел земельный у еврейки –
Со стариком в ограду лечь одну.

Морщинистые щеки задрожали,
И гневом полыхнул уставший взгляд.
– Ну что б ты понимал в Биробиджане!
...Приедь сюда – захочется назад.

Но я ж хотел, чтоб ей здесь стало легче,
А ей отсюда было всё видней!..
Обманывал я не однажды женщин,
А стыдно до сих пор лишь перед ней.

Всё начнётся с того, что я просто однажды уйду
В ту страну,
где при въезде не спросят наличие визы,
В ту страну, где ни паспорт не нужен, ни вызов,
Где на рынке сюрпризов я всё, что мне надо, найду.

Все начнётся с побега, с отъезда, с крутого броска
Там, где старт – это старт, не вокзал и не зал ожиданий.
Там не будет прощаний, сомнений и поздних признаний,
И в вагон не подсядет проехаться «зайцем» тоска.

Я уйду налегке, на столе не оставив записки.
Самым близким порою труднее всего объяснить,
Что запуталась нить,
на которой сушились расписки,
Где меня обязали по писаным правилам жить.

А потом будет день и, исполнен усталости, вечер,
С кем-то шумные встречи и поздний гостиничный сон.
И при этом при всём я останусь никем не замечен
В той далёкой стране, где однажды скажу: вот и всё.

Всё начнется с нуля,
словно с первой строки на бумаге,
Где что хочешь пиши, с миллионом ошибок и без.
Сам оценивай вес, сам с собой соревнуйся в отваге
И ходи за сюжетом, конечно же, в сказочный лес.

Решено! Ухожу! Ключ от двери – с размаху в помойку!
Мне не жалко несколько. Глаза не царапает грусть...
Ничего не забыл, сам себя оставляю – и только...
Без себя будет горько...
... В который уж раз остаюсь.

Там, где нас нет

Там, где нас нет, там чудеса
И жизнь без грусти.

Собрать бы вещи и туда
На пару лет.
И если очень попросить,
То здесь отпустят,
А встретят так, как будто ждут
Там, где нас нет.

Там, где нас нет, глаза у женщин
Слёз не помнят.
Они, как звёздочки, горят
Сто тысяч лет.
И лишь поэт, одной из них не понят,
Сдаёт билет на рейс
«Земля Тамгденаснет».

Жить без забот, любить без слёз
Хотя бы на год,
Не знать дорог,
Усталости и бед...

Я очень долго проживу,
Но быстро слягу
И буду думать:
Хорошо
Там, где нас нет.

Надежды фальшивая нота

Приснился счастливый финал:
Любовь и полцарства впридачу.
– Простите меня, я устал...
Мне водки и хлеба на сдачу.

Чтоб только под утро уснуть.
Сутулясь, курю на пороге.
– Мужчина, товар завернуть?
– Не надо, хлебну по дороге.

Похмелья тревожный синдром,
Надежды фальшивая нота
Послышалась вдруг, а потом...
Рассвет - и пора на работу.

Мимоходом

Спешка, дом, работа,

День не лучше дня.
У тебя есть кто-то,
Кто-то - у меня.

В паутине быта
Не расправить плеч.
То окно немыто,
То не греет печь.

У тебя надежды,
У меня долги.
Заблудилась нежность
В суете пурги.

Поостыли страсти,
Холодной рука.
Мимоходом – «Здрасьте»,
На бегу – «Пока».

Памяти Романа Шойхета

О вещах, простых и серых,
Говорили старики:
Про озимые посевы,
Про ветра да сквозняки.

Мёрзнет скот в прогнивших стойлах...
Никудышный сенокос...
Дед Трофим, Роман Самойлыч
Да аграрный их вопрос.

Птицей, одолевшей реку,
Грею кости у печи.
Много ль надо человеку?
Память осенью горчит.

Дед Трофим, Роман Самойлыч,
Звон стаканов: «Дай им Бог!»,
Шум реки. Сырая полночь
Не пускает за порог.

* * *

Не скучай по мне, не тужи
И чудес не проси с небес.
Хочешь, будем с тобою жить,

А не каждый – сам по себе.

Перестанем бродить впотьмах
И беречь тишину в тени.
Свет на зависть в чужих домах,
И неделя – до осени.

Вслед за мной идут холода,
За тобой – журавлиный крик.
Ты пока еще молода,
Да и я не совсем старик.

Не надолго тепло костра,
Да не наша постель в стогу.
Я согрею стог до утра,
А сугроб согреть не смогу.

* * *

Безбожник в затерянном храме,
С монашкой заблудшей грешу,
Болею чужими стихами
И сам их зачем-то пишу.

За тёплыми стенами спешка
И чья-то тупая возня.
Я в щель подсмотрел: там успешно
Обходятся все без меня.

Народ, озабоченный летом,
Судьбу бороздит без сохи.
Никто и не спросит: где этот,
Который калякал стихи?

Очкарик, наивный до смеха,
В кого-то влюблённый до слёз,
Быть может, он умер? Уехал?
В золу превратился, в навоз?

Не спросит никто, не ответит...
Но счастье, что день изо дня
Играют в песочницах дети,
Рождённые – не без меня.

* * *

На окраине бабьего лета
Желтизна выстилает постель,
И ветрами качает планета
В парке старую карусель.
А под нею, в подарок любимой,
На асфальте посредством мелков
Кто-то вычертил солнечный символ
Из рисунка и нескольких слов.
Был прилежен и нежен художник
И, не зная погоды прогноз,
Не рассчитывал, видно, на дождик,
Обманувшись мерцанием звёзд.
Так всю жизнь то творишь, то рискуешь,
Узнаёшь то из снов, то из слов:
Если мелом любовь нарисуешь –
Ей, увы, не дожить до снегов.

Из венка сонетов «Мы из Биробиджана»

Города построены из судеб,
Из простых, поломанных и ярких,
Из счастливых праздников и будней
И совсем не праздничных подарков.

Вот, к примеру, парикмахер Ромка,
Рыжий, как закат, как щепка, тонкий,
Один раз собрал на фронт котомку,
А с войны пришли две похоронки.

Отрыдали, дважды хоронили...
Он не знал и появился в доме.
Побывал на собственной могиле...
Стариком ба-арэц* похоронен.

Судьбы в камнях высекают лица
И не могут дважды повториться...

*) ба-арэц – в Израиле

* * *

Позови меня в дождь –
Я приеду по улицам мокрым.
В небе призрачно-блэклом
Сигаретная дымная дрожь
Сонно вяжет узоры

Из сумрачно-серых волокон.
Занавесь ими окна
В день, когда ты меня позовёшь.

Позови меня в дождь –
В дождь случайный никто не придет.
Сквозь дозоры соседей
Незаметно меня проведёшь.
Будем просто молчать
И мечтами дождливыми бредить.
Я боюсь не заметить
День, когда ты меня позовёшь.

Позови меня в дождь,
В дождь, пока не закончилось лето,
На озябшей планете
Водосточных кларнетов галдёж.
Подбираю слова,
Чтоб потом положить их в сонеты
И прочесть, но об этом –
В день, когда ты меня позовёшь.